

ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

А.Д. Кайбушев
(Россия, г. Астрахань)

Политическая мифология – неотъемлемая часть политической культуры любого времени и любого народа. Политический миф является самой активной составляющей элитного политического сознания. Более того, сама политика представляет собой искусно созданный на заре истории миф. Сущность этого мифа заключается в необходимости пропаганды политики, как сферы деятельности политической элиты, находящейся у власти. Поэтому политический миф неизбежно возникает из недр элитарного политического сознания как самый естественный продукт ее активной «идеальной» (субъективной) жизнедеятельности.

С нашей точки зрения, можно по разным основаниям типологизировать политическую мифологию элит.

Во-первых, *по генезису*, мифологию можно разделить на спонтанно возникшую и целенаправленно сконструированную.

Во-вторых, ее можно разделить *по форме* на массовую мифологию элит и элитарную мифологию элит.

В-третьих, *по содержанию*, миф о герое, о добром и злом правителе и т.д.

Мифы политической элиты значительно отличаются от мифов массового политического сознания, прежде всего вариантами своего генезиса. Массовый миф возникает *только* спонтанно, в недрах коллективного бессознательного. Однако он может быть мифом и о самой элите, и исследователям эту особенность всегда необходимо учитывать. Другой тип мифа – это миф, созданный самой элитой. Генезис этого мифа может быть как спонтанным, так и управляемым, а, следовательно, корректируемым по ходу его развития. Такой миф, с одной стороны, может рядиться под массовую мифологию, воспроизводя все ее специфические особенности, а с другой стороны, может позиционировать себя, как кастовый, стоящий над всем массовым (эзотерический миф).

Кроме этого, массовая мифология элит тоже может иметь свою типологию. Наиболее классическими типами массовой мифологии о политических элитах являются мифы: 1) о неограниченной возможности властной элиты и 2) о добром и злом правителе.

Миф о неограниченной возможности властной элиты характерен для всего массового сознания в целом, но особенно он проявляется в условиях патриархального общества и связан с идеей возрастающей в личности политики харизмы.

Как правило, харизматическим лидером становится человек, наделенный особыми способностями – харизмой (греч. «благодать, божественный дар»). Понятие харизмы чрезвычайно сложно, расплывчато и трудноуловимо. В теологии харизма означает благодать и дары божьи, которые позволяют отдельным, выдающимся личностям выполнить исключительную задачу. Харизма «представляет собой экстраординарное дарование и необычайные силы, необходимые для того, чтобы победить инерцию привычки и безразличия»¹. Таким образом, харизма помогает человеку разрушить стереотипы профанности и наилучшим образом вписаться в мир сакральных представлений. Поэтому человек, наделенный харизмой, представляет собой амбивалентное существо. Харизма является признаком принадлежности человека к сакральному. Она и притягивает, и пугает. Это «одновременно и благодать, и стигмат»². Обладатель харизмы вызывает противоречивые чувства любви и ненависти, поклонения и страха. Сам же харизматик ощущает чувство избранности и некоего могущества, но и одновременно, одиночества и непонятости. Харизма всегда связана с высокой эмоциональностью ее обладателя³.

Эмоциональное воздействие харизмы связано так же и с тем, что она способна воскрешать образы прошлого, архетипы бессознательного. Причем воскрешать не просто умозрительно, а в форме переживания. «Все вожди поддерживают свою власть, взывая к имаго прошлого, – замечает С. Московичи, – которые, однажды вос-

креснув, зажигают былые чувства»⁴. А сам харизматик очень часто отождествляется с кем-то из прошлых великих деятелей. М. Вебер считал, что обязательным элементом харизматического культа является идея спасения⁵.

Харизма дорациональна, аффективна. Она действует, в отличие от рации, изнутри, меняя внутренние установки человека на мир и самого себя. Это происходит и с самим харизматическим лидером и еще более с его окружением. На бессознательном уровне идет процесс превращения прозелита в активного верующего с помощью формирования новой религиозной установки. Неосознаваемая установка – это готовность индивида к определенному действию.

Из первого типа мифологии логически вытекает второй тип (прежде всего миф о добром правителе). В народном сознании живет неистребимая надежда на то, что обществом когда-нибудь будет управлять справедливый правитель, который сделает народ счастливым, а страну – процветающей. При этом истоки этого типа мифа лежат еще в самой Библии, где содержатся конкретные исторические примеры таких идеальных правителей (например, цари Соломон и Давид). Эти мифы были о том, что могущественный правитель создает могущественное государство. В более ранних племенных мифологиях это представление было связано с эзотерической силой Ману, которой обладал сильный вождь и которую можно было передать посмертно преемнику посредством физических манипуляций (летописный миф о чаше князя Святослава, изготовленной из его черепа ханом Корей). Как вариант этого мифа – миф о возможном изменении общества с помощью сильного правителя. Это, как говорил в свое время известный российский исследователь политической ментальности А.С. Ахиезер, – «Моисеев жезл», то есть, иллюзорное представление о могуществе государства в деле модернизации, просвещения, развития культуры, преодоления отсталости, – опирается на основное заблуждение массового сознания. Идея возникла на основе веры во всемогущество государства (царь-тотем), которое якобы может изменить людей»⁶.

В России данный миф представлен сказкой «о добром царе-батюшке и его злых боярах-негодяях», которые его окружают и не дают ему нормально общаться с простым народом. При этом данный миф шел из социальных низов российского общества и выражал утопический пласт народного мышления: «Вот придет барин – барин нас рассудит» (Н.А. Некрасов).

Миф о злом правителе может выступать в роли идеологического фона мифа о добром правителе. На возникших здесь контрастах образ доброго правителя может многократно усиливаться. Это уже другой тип мифа. Это созданный и осознанный миф элиты о себе самой. Столкновение этих двух мифов порождает третий тип мифа – миф об идеальном правителе.

Миф об идеальном правителе может быть создан в условиях кадрового кризиса политического лидерства и их элит, когда недостатки реальных лидеров наиболее ярко и в негативном свете бросаются в глаза общественности и общественное мнение формирует стойкую отрицательную позицию по отношению к их практической деятельности. Тогда такие мифы будут служить прекрасной идеологической основой для прихода к власти контрэлит. Такое чаще всего бывает в предреволюционные моменты истории, когда назревают политические условия для государственного переворота.

Так, например, в начале XX в. большевиками активно создавался миф о кровавом русском царе Николае II, а сама Российская империя представлялась «тюрьмой народов». Все это во многом способствовало формированию «революционной ситуации» в России, о чем так много и настойчиво писал в то время В.И. Ленин, и в дальнейшем, создания (в эпоху сталинизма) мифа о добром «дедушке Ленине», освободившем рабочих и крестьян от тяжелого векового рабства.

Мифы политических элит *о самих себе* могут быть условно тоже подразделены как минимум на два типа: 1) мифы, стихийно возникшие и 2) мифы, специально созданные под конкретный политический проект.

Стихийно возникающие мифы внутри элитных сообществ возникают в переломную эпоху, на фоне кризисов и разрушений предыдущей мифологической системы. В определенных случаях их можно назвать «маргинальными», поскольку они

обозначают некий рубеж либо между сменами типов власти, либо между различными группировками элит.

Сконструированные мифы встречаются гораздо чаще, поскольку они направлены на удовлетворение порой амбициозных потребностей существующей власти. Однако процесс элитного мифогенеза чрезвычайно сложен. Такие мифы способны переплетаться и синтезировать новые мифологемы. Возникающие при этом «клубки» мифов, бывают часто неразличимы с точки зрения их типологии. С нашей точки зрения, политические мифы специально стремятся уйти из под своей типологии и до максимума запутать рациональное знание о себе. Они начинают жить самостоятельной жизнью и уже сами могут управлять мышлением своих создателей. Между подлинными и созданными мифами Б. Эннкер видел фундаментальное различие. От подлинных мифов он отделяет «те, которые создаются индивидуумами, например, знаменитые платоновские мифы», эти мифы создаются «внутри абсолютного свободного духа»⁷. Индивидуум, создающий миф, не находится под его властью, а направляет его на достижение своих целей. Подлинные мифы, напротив, создаются не целенаправленно, сознание не отдает себе отчет в образности мифа и рассматривает мифы, в которых он живет, не как символы, а как саму реальность. Однако то, что для автора мифа не является объективной достоверностью и предстает как субъективное установление разума, отнюдь не является тем же для тех, в расчете на кого этот миф создан. Самосознание творца мифа неизбежно выше такового у тех, кто в этот миф верит⁸. Другими словами, не являясь подлинным мифом для своих авторов, политический миф может быть вполне подлинным для широких масс, в расчете на это он и создается⁹.

Всемирная история убедительно показывает нам, что сколько было в мире политических элит, столько было и созданных мифов о них. Более того, некоторые элиты столь долго находились у власти, что смогли создать о себе не один, а сразу несколько мифов и даже мифологий. Однако даже и тогда, когда политическая элита из-за своего краткого срока пребывания у власти не успевала сама создать о себе миф, эту работу проделывала за нее другая, пришедшая ей на смену политическая элита, которая создавала отрицательный миф о своих предшественниках. Классическим примером здесь может служить судьба демократической элиты России 1917 г. (правление кн. Г.Е. Львова и А.Ф. Керенского), которая попала не в свою, а в чужую (коммунистическую) мифологию с отрицательным для себя знаком.

Наиболее ярким примером политического мифа элит является миф об идеальном правителе. Он может быть, как стихийно возникающим (как мы уже показывали выше), так и сконструированным в пропагандистских и рекламных целях в предвыборных кампаниях, что уже является основанием для широкого спектра PR-технологий. Можно сказать, что большая часть PR-технологий основана именно на конкретной политической мифологии. Через PR-технологии невозможно увидеть истинное лицо политика, а можно только увидеть его более или менее искусно созданный образ. Миф как раз и создает ложный образ ложной личности; миф создает ложный образ реальной личности, вследствие чего эта личность впоследствии становится тоже ложной. Мы не можем проникнуть через миф в истинную сущность политика, ибо эта истина без мифа окажется совершенно нереспектабельной как для политического бомонда, так и для масс.

Для лидера особую важность имеет миф о его неограниченной мудрости, и чем более эта мудрость беспредельна, тем меньше критики может быть со стороны недоброжелательных оппонентов относительно его подлинной природы. Самое главное для такого лидера – сохранить о самом себе миф в его первоначальном виде.

Лидер позиционирует себя в рамках мифа об идеальном лидере до тех пор, пока власть его не упрочивается до абсолютной. После этого он может себе позволить скорректировать этот миф сам и подстроить его под себя или себя под него. Чем свободнее политический лидер обращается с политической мифологией, тем больше свободы он имеет как субъект политической власти. Доминирование политической мифологии над политической идеологией и политической наукой всегда указывает на переходный характер переживаемой обществом политической истории.

В периоды обострения политического конфликта происходит усиление активности масс и их вождей при одновременном снижении уровня сознательного поведения и тех, и других. Понижение уровня осознанности приводит к резкому скачку мифологизации общественного сознания. Ускорение политических процессов фактически не оставляет массам и элитам времени на то, чтобы рационально обработать весь поток информации, и освободившееся место быстро заполняется штампами, лозунгами и «идеологическими формулами», которые и формируют новые мифы этой эпохи.

Каждый лидер, создавая позитивный миф о себе и негативный миф о своих недругах и соперниках, надеется на то, что созданная им комбинация политических мифов укоренится в массовом общественном сознании и поможет ему преодолеть барьеры на пути к власти. Максимально очернить своего противника в глазах общественного мнения – самое излюбленное занятие тех политиков, которые отдают предпочтение «PR», принижают интеллектуальные способности и совершенно не обращают никакого внимания на этическую сторону политики.

Не все мифы, которые создаются правящими элитами для удовлетворения своих политических нужд, усваиваются массовым сознанием. Значительная часть мифов, брошенных в общественное сознание, «скоростижно в нем тонут», так и не успев до конца, как следует, оформиться. Живучесть политического мифа определяется не только его внутренним качеством, но и внешней востребованностью масс.

Наиболее востребованным, наряду с мифом об идеальном правителе, является миф о герое. Архетип этого архаического мифа представляет собой олицетворение борьбы добра со злом. Герой – полубог-получеловек, титан, совершает подвиги, уничтожая хтонических чудовищ и злых правителей. Дожив до настоящего времени, архетип этого мифа не изменился. В середине XX в. такие мифы в СССР слагались о героях гражданской и отечественной войны. Они учили благородству, сопереживанию и побуждали подражать этим героям. После перестройки меняется характер героического: «Новая эпоха продиктовала новые черты характера: рационализм, попытку выжить любой ценой в любых условиях»¹⁰. На смену историческим героям реальных войн опять приходят герои вымышленные (прежде всего порожденные СМИ и художественной литературой). Если в первом случае мифы работали на идеологию власти и носили политический заказной характер, то во втором случае, этот архетип либо отходит от политической сферы, либо является аполитичным.

Политический герой в какой-то мере является продолжением мифа об идеальном политике-правителе, но имеет свои специфические особенности. Главная особенность – это строгая ориентация на идеализацию личности героя или совершенного им подвига.

Для современной элиты на самом деле героев (в том виде, как это понимают сами массы) нет, ибо они понимают и видят изнутри механизм создания мифологии героя. Они слишком хорошо знакомы с законами политического закулисья, чтобы всерьез воспринимать просто так на веру подвиги новых героев, которые чаще всего оказываются «детьми PR-технологий».

Технологии создания мифа через СМИ – беспроблемный вариант, особенно в эпоху возрастающего информационного общества. В настоящее время уже отработаны все технологии по созданию и внедрению политической мифологии посредством СМИ. При этом сами журналисты зачастую выступают в роли таких мифотворцев, наполняя информационное пространство своего общества не всегда достоверной информацией, слухами, а подчас и откровенной ложью и не вполне профессиональными оценками и комментариями.

Политический герой нашего времени – это успешный, внешне привлекательный (респектабельный), состоятельный, доброжелательный и достаточно молодой политик, с весьма высокими амбициями и самооценкой (порой чересчур завышенной). Он самодоволен и потому старается не думать критически о возможных или имеющихся негативных чертах своей личности и поведения.

Обязательным компонентом такого комплекса является людская масса или «толпа». Обычная толпа, племя, на которое может быть направлена харизма вождя или шамана, и людская масса, составляющая окружение харизматического лидера,

существенно различаются. Племя – это основная социальная единица архаической эпохи. Оно устойчиво, структурировано, социально упорядочено, равновесно, и харизма вождя здесь тоже включена в племенную социальную структуру как один из компонентов. Обычная толпа, это бесструктурное скопление людей, лишенных ясно осознаваемой общности целей и связанных между собой сходством состояния и объектом внимания. «С психологической точки зрения это собрание людей, обладающих определенными чертами, отличающимися от тех, которые характеризуют определенных индивидов, входящих в состав этого собрания»¹¹. Психологическими особенностями толпы является анонимность и, следовательно, безответственность, повышенная внушаемость, заразительность действий и чувств. Такую толпу Г. Лебон называет разнородной, она может быть анонимной (уличная толпа), а может быть и планомерной (парламент)¹².

Массу, окружающую харизматического лидера, объединяет общая цель, общий идеал (Э. Дюркгейм), идея-образ, а лидер движет массами, управляя их воображением. Она определенным образом структурирована. Именно ее Г. Лебон назвал однородной толпой. В толпе индивиды сливаются в единые разум и чувства, они, по сути, превращаются в «единое тело толпы». Стержнем, спусковым крючком такого превращения является харизматический лидер. «Он насаждает в ней верования, ядром которых является страсть, а целью – действие»¹³. Причем каждый индивид в толпе опускается на более примитивный уровень, происходит феномен регрессии. В соответствии с ним сознание человека толпы ослабляется. «Оно возвращается к состоянию, которое напоминает сознание примитива, ребенка или невротика, – пишет С. Московичи. – В то же время высвобождается субстрат атавистических ценностей и привычек, составляющий основу группового бессознательного. Группа, следовательно, обладает худшим и более поверхностным интеллектом, чем ее члены, взятые по отдельности»¹⁴. О преступной сущности толпы говорили многие психологи прошлого, причем Г. Тард видит их в унификации преступного начала, а Г. Лебон – в выпячивании самых темных глубин человеческой психики¹⁵. Отечественные исследователи, и в том числе Уледов А.К., вслед за Г. Лебоном и Г. Тардом указывают на то, что толпа агрессивна, обладает многими негативными характеристиками и отрицательно влияет на личность, входящую в состав толпы¹⁶.

Что делает возможным объединение различных людей в единое тело толпы? Прежде всего, это феномен подражания или заражения, который считали ведущей силой массового поведения и Тард, и Кабанис¹⁷. Попадая в толпу, человек только благодаря численности толпы, приобретает чувство непреодолимой силы, обусловленное именно феноменом заражения, «когда эмоциональное состояние одного индивида передается другому на психофизиологическом уровне и при наличии обратной связи нарастает в силу взаимной индукции, и приобретает вид циркулярной реакции»¹⁸.

Миф о герое, конечно, не мог полностью заменить мифа об элите, но он всегда являлся самой активной ее составляющей частью, вокруг которой создавались и все остальные мифы. Так было, например, с античной аристократией древних греков и римлян, которые вели свою родословную от какого-либо героя или даже бога и создавали свои родовые мифы как продолжение мифа о своем герое.

Однако политическая мифология не просто оправдывала господство элиты в обществе, но и проводила весьма активное внедрение новых правил общественной «игры». В этом плане политическая мифология на протяжении длительного промежутка истории выполняла функцию политической идеологии. Именно она всегда оказывалась на острие идейного противостояния патрициев и плебеев, аристократии и демоса, образованности и невежества и т.д. Поэтому роль политической мифологии в истории было бы неправильно оценивать исключительно лишь с отрицательной точки зрения. В ее истории, несомненно, было и очень много положительного. Однако ...

Слишком часто политической мифологией правящей элиты пользовались не столько ее создатели (люди, несомненно, достойные, хотя бы потому, что они создали эту идеологическую систему), а их наследники, утратившие дух пассионарности и аристократизма и паразитирующие на достоинствах своих предков. Таков, например, миф о призвании варягов на Русь. Данный миф на протяжении многих веков продол-

жал оставаться центральной частью идеологии господствующей династии. Факт этот указывает на то, что в этом мифе была заложена весьма существенная прочность, обеспечивавшая его столь длительный ошеломляющий историко-культурный и политический успех. Однако и у любой прочности всегда есть свой предел. Ни один миф не застрахован от безжалостного времени, разрушающего его идеологическую оболочку и обнажающего всю его гносеологическую несостоятельность.

Все это приводит нас к выводу о том, что каждая эпоха создает не только свою специфическую мифологию, но и закладывает свои, присущие только ей ошибки, которым суждено сработать через столетия.

Наиболее часто встречающимися политическими мифами современности являются идеи «имперства», «гегемонии», «превосходства» в области политики, культуры, экономики, нации и т.д. Иными словами, сами «элиты» (то есть, те, кто занял в этот момент лидирующие или привилегированные позиции) активно творят миф о своей собственной «элитности».

Наиболее четко мифология правящих элит прослеживается у так называемых «стран-лидеров». Именно «страны-лидеры» – гегемоны геополитического процесса – вынуждены активно и разносторонне заниматься производством политических мифов, посредством которых они воздействуют на политическое сознание не только своих граждан, но и других гражданских культур и цивилизаций. Сверхдержавы могут создавать мифы не только о могуществе своего государства и совершенстве гражданской системы общества, но и постоянно спекулировать мифом о существовании некой (чаще всего мнимой) угрозы для этого их идеального строя. В конце 1990-х гг. США наглядно продемонстрировали нам, как можно успешно спекулировать на этих мифах, извлекая при этом еще и солидную финансово-экономическую выгоду.

Политический миф никогда не обходится без демагогии и спекуляции определенными этическими ценностями. Мифология (спекулятивная идеология) достигает своего абсолюта особенно тогда, когда провозглашаются лозунги типа: «С нами Бог!», «Да поможет нам Бог!», «Бог за нас!» и т.п. Такие спекулянты настолько уверовали в свою правоту и безгрешность, что даже уже самого Господа Бога взяли к себе в подручные. Однако нет ничего циничнее, чем увлекать Бога в свои собственные слабости и провозглашать Его покровителем своих собственных страстей. Для греха нет ничего выгоднее, чем прикрыться именем Господа Бога. В этом цинизм достигает своего полного абсолюта. В сочетании с политикой «двойных стандартов» и «двойной морали» («Мы – хорошие, они – плохие»; «Нам можно все, им – ничего!») такие мифы могут стать выражением сатанизма и полным отрицанием всякой личности вообще. В наибольшей степени грех таких мифов выражается в существовании империй – Римской, нацистской, американской ...

Политическая мифология правящей российской элиты 1990-х гг. стремилась создать видимость того, что в России в это время уже существует или, во всяком случае, складывается либеральный демократический режим с основами рыночной экономики. На самом же деле, вся эта идеологическая пропагандистская компания была направлена на маскировку самодержавного (авторитарного) стиля руководства правящей российской верхушки и сокрытие под лозунгом «рыночной экономики» российской олигархии. В целом эта эпоха стала временем «первоначального накопления капитала» (что больше походило на беззастенчивое ограбление нескольких поколений людей), а весьма многих «дельцов», входящих в правящую элиту можно с полным основанием назвать «дикарями рыночной экономики».

В политической мифологии прослеживается само отношение элит и масс друг к другу. В зависимости от того, как массы воспринимают предложенный им элитой миф, зависит, как массы относятся к ним, и каким уважением у них пользуются элиты. История просто изобилует примерами такого рода. Чтобы не ходить далеко, приведем пример из нашего ближайшего прошлого.

Современное российское массовое сознание так до конца и не восприняло запущенный его правящей элитой миф о демократии как панацее от всех социальных и политических бед. Второй миф периода реформ 1990-х гг. – это миф о рынке, который «решит все вопросы», а значит, отпадает необходимость в четкой разработке

самой политической и экономической стратегии. Два других мифа – миф о всемогуществе Президента, «который все решает и за все отвечает», и миф политической оппозиции о «Золушке российской политики», то есть о Государственной Думе. Все эти мифы фактически «утонули» в темных глубинах массового сознания, так и не удержавшись на «плаву» (как это планировали элиты). Элиты, создававшие эти мифы, надеялись на отклик со стороны своих масс, но в очередной раз получили многозначительное молчание. «Народ безмолвствовал», и это весьма озадачило некоторых политических деятелей «кремлевского уровня».

Отсутствие у современной России единой национальной идеологии (или «Идеи») приводит ко все большему умножению политических мифов. В отсутствии официальной идеологии неофициальная мифология пытается заполнить образовавшиеся пустоты. Однако мифология – это всего лишь самый широкий поиск идеологии. Поэтому она всегда стоит в преддверии идеологии и носит временный характер.

Правила возникновения, развития и отмирания мифологии правящих элит, в сущности, всегда и везде были и остаются одними и теми же. Для того, чтобы вывести и обосновать все эти правила, потребуется отдельное монографическое исследование. Сейчас же мы остановимся лишь на некоторых наиболее общих и наиболее важных с нашей точки зрения «правилах» существования мифологии правящих элит. Речь при этом не идет об отдельном мифе или обособленной от общего процесса группе мифов. Речь идет именно о мифологии как идеологии оправдания пребывания правящих элит у власти.

Общий принцип мифологии правящих элит: *то, что выгодно на данный момент истории правящей элите, должно оцениваться всеми в качестве истины*. Все остальные варианты оценки действительности ошибочны, ложны или даже враждебны (злостны) для правящей элиты. То, что скажут потом об этом историки, сегодня не важно, ибо, когда наступит это самое «потом», самих субъектов ныне правящей элиты уже не будет у власти. Негатив будет «забыт», позитив, напротив, усилен и приукрашен. История окончательно превращается в галерею раскрашенных театральных масок, и если бы элите позволили, то она бы окончательно превратила историю в музей восковых фигур.

Политический миф (как вненаучное и ненаучное видение объективного) всегда создается под определенные запросы и вкусы правящей элиты. Мифотворчество – это всегда конкретный, реальный политический проект, и лишние умственных движений элита никогда не делает, потому что «лишнее» всегда опасно. Здесь действует правило: «лучше меньше, да лучше» (в смысле, красивее и правдоподобнее). Из мифологической лаборатории политической элиты власти выходят лишь матрицы, лишь самое ценное, то, из чего затем массовая пропаганда начинает тиражировать и усиливать (нагнетать) уже свою массовую мифологию.

Еще Э. Фромм отмечал, что политики, зачастую, – нарциссы, любят себя и требуют признания и почитания. Именно целью обеспечения признания и почитания вокруг них и складывается целая непреодолимая стена различных мифов, которые возносят политика на пьедестал почета или даже делают его небожителем.

Официальная (то есть придворная) политология продолжает нас уверять, что элиты – всегда самые лучшие и избранные. Мы должны откровенно признать, что это весьма далеко от действительности, и это не более чем политическая мифология идеологии власти. Иначе говоря, далеко не все политики, принадлежащие к элите «де-юре», являются таковыми «де-факто» по своим интеллектуальным и особенно нравственным качествам. «Выходит, вершители наших судеб не слишком-то отличаются от нас, хотя по роду своей деятельности призваны принимать важнейшие решения, касающиеся жизни и смерти всех и каждого. Восполнить их IQ способны советники, эксперты, интеллектуалы»¹⁹.

¹ *Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1999. С. 187.

² *Московичи С.* Век толп. М., 1998. С. 347.

³ *Ранк О., Захс Х.* Значение психоанализа в науках о духе // *Отто Ранк* Миф о рождении героя. М., 1997. С. 98.

- ⁴ **Московичи С.** Век толп. М., 1998. С. 359.
- ⁵ **Вебер М.** Социология религии // Избранное Образ общества. М., 1994. С. 119.
- ⁶ **Ахиезер А.С.** Россия: критика исторического опыта (социокультурный словарь). М., 1991. Т. 3. С. 196.
- ⁷ **Эннкер Б.** Советский культ вождей: между мифом, харизмой и общественным мнением // Вестник МГУ. Сер. 12. 1994. № 5. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 15.
- ⁹ **Парфенов А.И.** Политическая мифология. Саратов, 1996. С. 15.
- ¹⁰ См.: **Маленькие** герои нашего времени // Аргументы и факты. 2007. № 38. СП.
- ¹¹ **Краткий** психологический словарь. М., 1985. С. 357.
- ¹² **Лебон Г.** Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 161.
- ¹³ **Московичи С.** Век толп. М., 1998. С. 189.
- ¹⁴ **Московичи С.** Машина, творящая богов. С. 87.
- ¹⁵ см. **Аревина Т.И.** Феномен толпы в исследовательских ракурсах социальной психологии // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 139.
- ¹⁶ **Уледов А.К.** Психосоциология как интегральная отрасль научного знания. М., 1995. С. 97–110.
- ¹⁷ См.: **Аревина Т.И.** Феномен толпы в исследовательских ракурсах социальной психологии // Психологический журнал. 1999. № 5. С. 140.
- ¹⁸ **Краткий** психологический словарь. М., 1985. С. 101.
- ¹⁹ **Крамник В.В.** Топ-IQ терпит фиаско: Способны ли политики правильно понять мир? // Вестник политической психологии. 2001. № 1. С. 16.